

У ПОДПОЛЬЩИКОВ КРЫМА

В Севастополе, на Артиллерийской, 20 (ныне улица Щербака), в 1918—1919 годах находилась явочная квартира большевистского подполья, где бывали, помимо других, видные революционеры П. Е. Дыбенко и Я. Б. Гамарник. Теперь об этом напоминает мемориальная доска на фасаде здания. Тогда же двухэтажный дом, ничем особенным не выделявшийся среди жилых строений черноморского города, давал приют трем братьям—Михаилу, Матвею и мне. Мы занимали на первом этаже квартиру с двумя выходами. Мой брат Михаил Котнер был секретарем подпольного городского комитета партии и, естественно, привлекал нас с Матвеем ко всякого рода поручениям.

Условный звонок и появление очередных гостей не были неожиданностью. Вошел знакомый Михаилу секретарь Крымского комитета партии Шульман, а следом «новичок», которого он представил товарищем Яном.

Это было в начале декабря 1918 года — в те дни, когда хозяйничавшие с весны немцы эвакуировались из Крыма, а на смену им пришли войска Антанты. В Севастопольской бухте на военных кораблях развевались английские, французские и греческие флаги. На улицах можно было видеть, как заморские офицеры отдают честь чинам германской армии. Подобное усердие было свидетельством не столько воинской вежливости, сколько взаимопонимания вчерашних врагов: «старых» и «новых» оккупантов роднило стремление давить все революционное. Происходившую «смену караулов» рабочие по-своему комментировали: «Хрен редьки не слаще».

Приезд в Севастополь представителя ЦК КП(б)У Яна Борисовича Гамарника был как нельзя своевременным. Значит, будут у нас связи не только с Крымским комитетом, но и с Всеукраинским центром, усилится помощь нашей подпольной организации. Кстати, когда

Шульман назвал своего спутника Яном, брат Михаил, взглянув на гостя, спросил: «Одесса?» — и тот кивнул головой: было, мол, дело. С Одесским подпольем у сева-стопольцев существовала довольно прочная связь. Мы получали оттуда, и в немалом количестве, отпечатанные типографским способом листовки на русском и немецком языках (свои вначале писали от руки), некоторую сумму денег. Потом сами направляли в Одессу информацию о положении дел в Крыму. Слышали мы и о руководителе Одесского комитета Яне, а лично встретились вот только теперь.

Первый разговор на конспиративной квартире был недолгим. Гамарник, Шульман и Михаил Котнер условились о созыве членов городского комитета и активистов. Узнав, что Ян участвовал в работе II съезда Компартии Украины, состоявшегося полтора месяца назад в Москве, Михаил спросил его о нашем делегате Русине-Моршине. Дело в том, что на съезд от Севастополя ездили двое — Русин и портовый рабочий Скрыпник. Возвращались обратно разными путями. Скрыпник прибыл, а Русин запропал. Смелый подпольщик, боевой матрос — что с ним могло случиться? Переспросив: «Русин? Матрос?» — Ян Борисович рассказал любопытную историю, происшедшую с одним из делегатов, причем именно с матросом. Должно быть, с Русиным. После перехода через нейтральную зону на Украину матрос был задержан в каком-то селении. Его направили в город в сопровождении двух конвоиров — один был с ним на подводе, другой — верхом. Ехали по лесу, повозка отстала от спешившего впереди конного, и матрос, воспользовавшись благоприятным моментом, сбежал, скрывшись в чаще. (Этот случай подтвердился, когда я в 50-х годах вдруг узнал, что Алексей Иванович Русин-Моршин живет в Москве, и повидался с ним. Кстати, свел нас другой ветеран-севастополец — И. М. Овсянников-Жигенас.)

Заседание подпольного горкома проводили в сапожной мастерской Спира Ковалева. И сам Спиро, и двое работавших у него сапожников были членами нашей организации. Место было удобное. Мастерская, находившаяся в угловом доме, на пересечении Большой Морской улицы и Малого Офицерского спуска, имела два входа — с улицы и со двора. И там и тут скрытно патрулировала наша охрана.

было принято решение, из конспиративных соображений не зафиксированное на бумаге, о дальнейшей работе подпольной организации. Избрали двух делегатов — Михаила Котнера и Иосифа Овсянникова-Жигенаса — на Общекрымскую конференцию, которая должна была вскоре состояться.

Когда собрание закончилось и люди стали расходиться, кто-то, напомним об осторожности, упомянул, что полицейский участок совсем рядом (он и верно находился в каких-нибудь 120—150 метрах от нашей сапожной мастерской). Ян в шутку сказал:

— Может, в следующий раз прямо во дворе полиции соберемся?

Это вызвало улыбки и смех. Севастопольцы и в опасных условиях не унывали!

Гамарник пробыл в нашем городе всего несколько дней, а след оставил глубокий. Затем он отправился в Симферополь, чтобы помочь в подготовке I Общекрымской конференции большевистских организаций. На нее собрались 24 делегата от 17 городов. Были рассмотрены такие важнейшие вопросы, как развертывание партизанской борьбы и подготовка вооруженного восстания, работа большевиков в профсоюзах и среди войск противника. Конференцией был избран Крымский областной комитет партии, который на первом же своем заседании образовал ревком, возглавивший повстанческое движение.

Мне на той конференции быть не довелось, но брат Михаил по возвращении в Севастополь рассказывал, что выступление Я. Б. Гамарника помогло крымским большевикам перенять богатый опыт подпольной работы, накопленный в Киеве, Одессе и Харькове.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке